

КСЕНИЯ ДВОРЕЦКАЯ

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

РАССКАЗ

— Паук, Митя! Тарантул! — закричала Аня.

Она отчаянно таращила глаза, но вместо днища палатки всё ещё видела другое пространство: в нём двигал суставчатыми лапами большой чёрно-оранжевый паук. Постепенно яркий свет сна мерк, и в слабом свете луны, проникавшем сквозь сетку палатки, Аня увидела расстёгнутые спальники и рюкзаки. Митя проснулся и нашарил фонарик.

— Ничего здесь нет, — для подтверждения своих слов он медленно обвёл лучом фонаря всю палатку, — тебе просто приснилось.

Аня поняла, что испугалась зря, но страх и брезгливость ещё не прошли; не хотелось ложиться, пока сон не забудется окончательно. Она вылезла из палатки и, не обуваясь, подошла к воде.

Маленький песчаный пляж был с трёх сторон огорожен крутым берегом. Здесь море не казалось бескрайним: цепь огней моста шла по левую руку и смешивалась с огнями Тамани. Но Тамань была далеко. Море заглушало остальные звуки, и приходилось повышать голос на расстоянии нескольких шагов. Подошёл Митя.

— Холодновато.

Теперь луна была над головой, а когда ложились спать, она была возле горизонта. Аня попыталась понять, сколько прошло времени, но не смогла. Свет луны был таким напряжённым, что казалось, будто луна тоже издаёт звук: металлический, однообразный.

ДВОРЕЦКАЯ (НАУМКИНА) Ксения родилась в 1994 году в Саранске. Закончила институт электронной техники в Мордовском государственном университете. Работает преподавателем в школе дополнительного образования. В 2020 году окончила Высшие литературные курсы в Литературном институте им. М. Горького. Публиковалась в еженедельнике “Литературная Россия”, журнале “Москва”.

— Мы тут одни, — тихо сказала Аня.

Митя не услышал. Он задрал голову и поднял палец.

— Буква Р. Луна ещё будет расти.

— Хорошо... — Аня нашла Митину руку и пожала.

Митя привлёк жену к себе, но Аня уклонилась и отпустила его руку.

— Пошли спать. Ты хотел выехать рано.

— Успеем выспаться, — он настойчивее потянул жену к себе, но она почти с силой вырвалась, ушла в палатку. Он прислушивался, но разобрать, ворочается ли Аня или тут же заснула, было невозможно. Вдоль кромки воды он дошёл до края пляжа, где лежали большие камни, видимо, скатывавшиеся сверху. Вернувшись, он остановился возле палатки и негромко позвал: “Аня...”. Аня как будто не проснулась, когда он лёг рядом. Он поднялся на локте и долго смотрел на неё.

Очнулся он от духоты. Расстегнул палатку — раннее солнце ещё не успело нагреть землю. Передёг головой к выходу и снова заснул. Аня разогревала в котелке вчерашний ужин. Они договорились готовить раз в день — на стоянке перед сном, а с утра доедать; ночью прохладно и можно не бояться, что еда пропадёт.

— Митя, я просила: не оставляй палатку открытой.

Митя с трудом поднял голову, и Аня добавила мягче:

— Полежи на улице. Ещё не жарко.

Митя покрутил головой и выбрался наружу. Он закрыл палатку и встал, потягиваясь. Ему было двадцать четыре года, на два года больше, чем Ане. Он помахал руками, попеременно прижал колени к груди, пару раз нагнулся и снял трусы.

— Эй, ты чего!?! — Аня отвернулась.

Митя вышагнул из трусов и пошёл к морю.

— А что? Всё равно нет никого. Неохота плавки мочить, так искупаюсь. Он плашмя упал в воду и, проплыв немного, крикнул Ане:

— Вода классная, пошли тоже!

Он плыл саженками, почти не поднимая брызг. Аня выключила горелку и теперь ковырялась в котелке, пытаясь расщепить куски тушёнки. Митя вернулся, от стекавшей с него воды потемнел песок.

— Полотенце в моём рюкзаке, почти сверху.

— Я так обсохну, — он сел рядом с Аней на пенку.

— Митя!

— Жалко, что ли? Даже видеть меня голым неприятно?

Он поднял согнутые в коленях ноги, постучал ступнёй о ступню, чтоб обвалился прилипший песок, и натянул трусы.

— Так лучше?

— Лучше.

У него были загорелые колени и локти, но живот, плечи и бёдра — белые.

До Челябиново дошли пешком и почти сразу сели в машину до Керчи. Снова пешком пересекли центр и пошли вдоль дороги из города, вытягивая левую руку; шёл десятый час. Машин было много, но никто не останавливался.

— Не могу. Давай стоя голосовать, — Аня остановилась и сбросила рюкзак на землю. — Фу-у-у... без него полегче.

Митя тоже опустил рюкзак.

— Ты вообще веришь, что мы в Севастополе что-то решим?

— Давай не сейчас это обсуждать.

— Может, просто смысла нет доходить? Раз я тебе так противен! — Он толкнул рюкзак, и тот упал, громыхнув металлической посудой.

— Молодец! Вообще его на дорогу выброси. Я тоже сейчас психану — нафиг нам вещи-то! — последние слова Аня крикнула, но на Митю это, как уже бывало, действовало успокаивающе.

Он поднял рюкзак и выпрямился, придерживая его двумя руками.

— Мы свет не забыли? — примирительно спросил он, хотя точно помнил, что клал фонарь в рюкзак.

Наконец, остановилась “калина”, впереди сидела пожилая пара. Когда уже погрузили вещи и тронулись, водитель спросил, устроит ли триста рублей. Митя буркнул: “Устроит”, — не хотелось останавливать машину и вновь вылезать с рюкзаками на дорогу. Он почти сразу уснул, запрокинув голову и открыв рот. Время от времени он просыпался, закрывал рот, сглатывал, но через пару секунд челюсть снова отвисала. Водитель поглядывал на Митю в зеркало, и Аню это раздражало.

— Устали, что ль? — нежно спросил водитель.

— Угу, — ответила Аня, не открывая рта.

Всё тело было липким, голые ноги приклеивались к дерматиновому сидению. В окошко почти не заходил ветер — “калина” шла в густом потоке машин на скорости не больше двадцати километров в час.

— В Феодосии останетесь или дальше куда поедете?

— Дальше.

— А куда, если не секрет?

— В Севастополь.

— Город воинской славы, похвально. И всё так, на перекладных?

— Угу.

В разговор обиженно вступила женщина:

— Видишь, не хочет разговаривать с тобой девушка. Ты вези её, а спрашивать не смей! Устали они — с ухажёром-то!

— Это муж, — зачем-то исправила Аня, но стало ещё противнее: водитель двусмысленно подмигнул, а женщина ответила:

— Объелся груш! Зна-а-ем.

Ане захотелось выйти из машины, но было жалко будить Митю: он бы вышел на нетвёрдых ногах, с мутным взглядом. Она выкрутила ручку до упора, полностью открыв окно, но свежее не стало, только больше пыли потянулось с коричнево-серых выцветших полей.

Аня уехала с родителями из Севастополя в восемь лет и хорошо помнила его залитые солнцем горбатые улицы, а памятник затонувшим кораблям ей был дорожке всех “Аврор”, вместе взятых. Но вдруг её воспоминания не похожи на действительность?

В Феодосию въехали только в половине второго. Дошли до крепости, скинули рюкзаки и забрались на развалины, но никакой радости не испытали. Дул ветерок, он был жаркий и, казалось, шершавый.

— Где ночевать будем? — спросила Аня.

— А я откуда знаю? Давай прямо здесь палатку ставить!

— А чего ты психуешь? Я тебя силой, что ли, ехать заставила?

К ним вплотную подошёл ребёнок. Ему непременно хотелось идти по стене даже там, где сидели люди. Мама одной рукой держала ребёнка за шорты, а другой фотографировала. Митя с Аней встали и будто по инерции спустились вниз; набрали воды в автомате, взяли в супермаркете банку тушёнки и пачку макарон и уехали из Феодосии.

Пик жары прошёл, поток машин стал реже и густел только на перекрёстках; до Коктебеля доехали быстро. Их высадили на повороте перед въездом в город. Дорога влево была перегорожена, но раскатана с обеих сторон. Аня с Митей свернули с колеи, на которой не успевала садиться пыль, и поднялись в гору. С одной стороны был виден Коктебель, с другой — Тихая бухта. На её широком жёлтом пляже темнели бугорки палаток, стоящие почти вплотную.

— Во мегаполис там, — усмехнулся Митя.

“У него сейчас весь лоб в морщинках”, — подумала Аня и посмотрела на мужа.

— Всё верно. Видимо, хорошо там. Но мне в такую толпу лезть неохота.

Обвивая соседнюю гору, вниз спускалась тропинка и вела к узкому тёмному пляжу — под ними была бухта Мёртвая. Аня с Митей немного пропались по тропинке, чтобы утром оказаться в тени первой горы, и поставили палатку под маленьким деревцем — так уютнее. Поднимался ветерок и чуть отклонял в сторону пламя горелки.

Солнца уже не видно, но ещё не стемнело. Гора справа — насыщенно коричневая, со светлыми тропинками, за ней — тёмно-синяя, а дальше всё,

и Карадаг, в голубой дымке. По левую руку горы ярко-жёлтые, как нарисованные, а над ними полосы фиолетовых облаков.

Вода закипела, и Митя ухнул в котелок весь пакет макарон, немного помешал их и открыл банку тушёнки.

— Вернёмся и будем тушёнку по привычке готовить.

Митя сказал это без задней мысли, но договорив, вспомнил, что они не знают, вернутся ли. А если вернутся, то Аня соберёт вещи и переедет к родителям, а Митина мать — к себе домой, к сыну. Сейчас она живёт у бабушки, но идти недалеко: обе квартиры на одной площадке. Мите нравился Питер, и нравилась квартира, в которой он провёл детство, и он убедил Аню жить там после свадьбы. “Они близко, но отдельно”, — думалось ему.

Вчера утром снова ссорились. Всего лишь забыли крем от ожогов, но не смогли удержаться и вернулись к прежним спорам. “Мало нам кучи проблем, ты ещё из-за “пантенола” пытаешься поругаться”, — упрекнул Митя, и Аня ответила медленно, почти по слогам, с какой-то злой радостью: “У нас бы не было этой кучи, если бы ты чаще слышал меня, и не было бы совсем, если бы твоя мать и твоя бабушка меньше в нашу жизнь лезли”. — “О-о-о! А я всё ждал, когда ты, наконец, вспомнишь! Невыносимо ведь, когда две пожилые женщины хотят, чтоб тебе получше жилось. Замучили тебя, бедную”. — “Я сто раз говорила: они не хотят, чтобы мне жилось получше, а чтобы жилось, как им кажется получше! Огромная разница! И раз уж твоя мать переехала, так пусть она вещи забирает свои, а то уже год ходит — всё вещи свои ищет”. — “А от меня ты чего ждёшь? Чтоб я своей матери запретил в свою квартиру приходить?!” — “Если бы ты слушал меня, ты бы знал. Не надо ей ничего объяснять, раз она сама не понимает. Надо просто снимать квартиру — подальше от них. А она пускай в своей живёт и делает ремонты, как ей нравится!” Они не сказали друг другу ничего, чего бы не говорили в прошлые месяцы, и было странно, что они на тёплом море, вдвоём, — перепалка расстроила их.

Аня догадалась о мыслях Мити; оба загрустили и ужинали молча. Девушка украдкой смотрела на мужа. Нижняя часть лица у него почти женственная: узкие скулы, рот, подбородок — всё изящное, нежное. На щеках проступает бородка — ему всегда лень побриться, — но волосы мягкие. Глаза у него очень большие, далеко посаженные, а над ними широкий и высокий лоб. Когда он пристально смотрит, то похож на инопланетянина, и это её всегда трогало. Грубый и земной на его лице только нос: Митя ломал его несколько раз, и нос срастался неправильно, теперь на нём две асимметричные горбинки. Впервые увидев Митю, Аня влюбилась в его внешность; потом ей перестал нравиться его нос, и всё лицо показалось неправильным, негармоничным; ещё позже Митя снова стал самым красивым. Сейчас она никак не могла посмотреть только на его лицо, воспринять внешность Мити отдельно от него самого.

Забравшись в палатку, Аня сразу заснула, но постепенно в сон стал вмешиваться гул и, наконец, разбудил её. Палатка трещала и хлопала на ветру, и по голове ощутимо плёбала одна из стенок. Стало жутковато и весело. Она поднялась на локте, наклонилась над лицом Мити и тихонько подула. Он замычал в ответ.

— Мить, а мы не улетим?

— Куда? — невнятно спросил он.

— В страну Оз, — громким шёпотом ответила Аня.

Чувствуя, что Митя не понимает её, добавила серьёзнее:

— Слышишь, ветер какой!

Митя прислушался.

— Ага. Надо было внизу вставать... Не улетим уж, спи.

Аня ещё раз, злее дунула Мите в лицо. Он поморщился:

— Перестань.

Аня отвернулась, пихнула Митю локтем и чуть отползла от края палатки. Она подставила руку так, чтобы стенка хлопала по ней, и попыталась поймать ритм ветра:

— Раз-два-три. Раз-раз. Раз-два, раз-два-три-четыре. — она вновь провалилась в сон.

Утром погода испортилась, вчерашние краски исчезли. Крутом всё было одинаково серым: и море, и небо, и горы. Сворачивали палатку вдвоём — она надувалась, как парус, и рвалась из рук. Дождь застал их внизу, возле заводского магазина вин. Они спрятались в беседке, и в пять минут беседка наполнилась отдыхающими. Дождь лупил громко, сердито; стало холодно. Они смотрели, как появляются лужи.

Дождь кончился через час, а через три они уже ехали в фургончике в Судак. Судак—Алушта—Ялта. А потом Севастополь. Хотелось продлить дорогу, но боясь признаться в этом друг другу, они не вышли в Судаке — подальше на уговоры водителя и поехали с ним в кемпинг за Морское.

После Судака горы стали круче и зеленее, пропали многочисленные съезды с дорог, и только одно шоссе вилось серпантином. Песчаный пляж, куда привёз их фургончик, начинался в нескольких метрах от трассы и был весь заставлен палатками, шатрами и машинами. Ане казалось, что встать уже негде, но фургончик лихо съехал вниз и пополз вдоль края воды.

Когда фургон остановился, Аня поймала Митин взгляд и чуть заметно помотала головой.

— Мы пойдём ещё место посмотрим, — сказал Митя, когда все вышли.

— Что смотреть, везде так будет. А где людей нет, там ничего нормального нет, — и водитель начал выгружать вещи, бросая их на песок. — Всё равно ничего лучше не найдёте, вернётесь.

Митя надел рюкзак и поднял Анин: она, присев, натянула ляжки на плечи.

— Вряд ли. Спасибо, что довели.

Они поднялись и пошли вдвоём вдоль шоссе.

Наконец, от дороги отделилась тропиночка, они пошли по высокому берегу. Море казалось сверху зелёным, а впереди, на вершине, Аня разглядела очертания крепостных развалин.

Тропинка привела к ручью. Спуск был крут: виднелись едва ощутимые ямки от ног, но ставя в них пятку, Аня проскальзывала и присаживалась. Митя сбегал вниз и вернулся, чтобы помочь Ане. Они прошли вверх вдоль русла ручья. Вода была прозрачная и ледяная — умываясь, они громко ухали.

— Ка-а-айф! — высоким голосом протянул Митя. — Давай тут жить.

Он не удержался и выпил воду из сложенных ковшиком рук.

В море здесь заходить было сложно: скрытые под водой большие валуны были очень скользкими, и каждую секунду можно было упасть или подвернуть ногу. Аня, сделав пару шагов, легла на воду и поплыла, задевая коленями камни. Они отплыли на достаточное расстояние от берега, но дно — мохнатые камни, водоросли, качавшиеся, как шумевший на ветру лесок, спяющие меж ними рыбки и маленькие ракушки, — казалось совсем рядом сквозь прозрачную воду. Едва касаясь дна пальцами ног, Аня стала сильными движениями взбивать воду вокруг себя. Митя лёг на спину и забил по воде ногами. Откуда-то к берегу выбежали две пушистые собаки. Они остановились и смотрели на шумевших людей, виляя хвостами. Один пёс радостно гавкнул — ребята посмотрели на них, но не подозвали, и собаки побежали дальше.

Митя с Аней выбрались из моря, когда солнце почти уже село. По обеим сторонам ручья была маленькая рощица, и, прочесав её, они собрали немало хвороста. Ветки уютно потрескивали на фоне шумного моря.

— Я хочу помыться, — сказала Аня, — я просолилась вся.

— Помочь тебе?

У Ани стукнуло сердце, и она рассердилась на себя.

— Полить если только.

Они притушили костёр, оставив угли, которые можно будет раздуть. Луна ещё не взошла, ответ костра стоял в глазах рыжим пятном, и ничего не было видно. Ощупью спустились к устью, и Аня разделась.

Митя опустил пустую бутылку в ручей, и она, булькая, постепенно наполнялась. Аня присела, поплескала на лицо и шею ладонями, потом достала

мыло из уже намоченного и отяжелевшего целлофанового пакета и стала натирать себя.

— Давай я, — мягко сказал Митя.

Он полил Ане на спину из бутылки и несколько раз провёл мылом вдоль позвоночника. Потом, покрутив мыло в ладони, отдал его Ане и покрыл пеной её плечи. “Шершавая”, — прошептала Аня. Митя молча улыбнулся, забрал у Ани мыло, натёр её ягодицы и ноги. Аня не двигалась. Митя намылел ей грудь и живот, положил мыло в пакет и начал смывать пену. Полотенце осталось в рюкзаке; Митя снял футболку, мешком надел на Аню, не продевая рук, и начал тереть девушку, впитывая воду тканью.

Аня заплакала тихо и жалостливо.

Митя прижал её к себе и замер. Слишком громко, хрипло сказал: “Спасибо”.

Выше кто-то стукнул баклажками, послышался звук наполнявшегося сосуда, но они не изменили поз, — возможно, Аня не слышала. Они стояли так, пока она не перестала плакать. Потом Митя снял с неё мокрую футболку, она оделась и, держась за руки, они поднялись к кострищу.

Они прожили там два дня.

Утром третьего вновь снялись с места. Машин было меньше, чем в степной части полуострова, но попутку ждали недолго. Аня закрыла глаза, чтобы меньше укачивало на поворотах.

В Алуште поймали машину до Ялты. Умиротворённость сменилась нервозностью. Аня ощущала это как огромный полный пузырь в своём теле, он давил на желудок и на сердце — сжатое, оно билось чаще, — и руки-ноги были вялые, не свои, точно пузырь перекрыл доступ крови к ним.

В Ялте они дошли до музея Чехова. После экскурсии бродили по саду и, разглядывая цветы на деревьях, чуть успокоились.

— Кажется странным, что Чехов никогда не видел свой сад таким...

— Люди тоже не видят своих детей стариками.

Из сада пошли на набережную. Купили с лотка пирожки, пошли по пляжу вдоль моря, потом повернули на пирс и на самом его краю опустили рюкзаки и сели. Дул ветер, мимо проходили катера — волны поднимались и плескали через бетонный край.

— Ты не мокнешь?

— А на меня дождь не капает, — ответила Аня. Митя посмотрел удивлённо, и она спросила:

— Не помнишь?

— О чём ты?

— Когда мы только познакомились, в мае, мы сидели ночью на лавочке возле моего дома... Начался дождь, а мы всё не уходили, и ты тогда тоже спросил, не мокну ли я. У меня капли по лбу текут, а я говорю, что на меня дождь не капает. Мне показалось, что ты в меня тогда и влюбился.

Митя усмехнулся.

— Вспомнил?

— Нет. Но представляю, что ты могла так сказать.

Они помолчали.

— Где ночевать будем? — спросил Митя.

— Поехали в Севастополь?

Попутки искать не стали, а дошли до вокзала и полтора часа просидели там, дожидаясь автобуса. В Севастополь приехали затемно и сразу пошли в гостиницу. Номер оказался просторным, с большой кроватью и душем. Аня разделась и зашла в ванную.

Она впервые видела себя со дня отъезда, и это было волнительно — несколько мгновений она не узнавала своё лицо. Чёрные углы бровей, до синевы чёрные миндалевидные глаза, большой рот над маленьким подбородком... всё было гармоничнее и притягательнее, чем она привыкла о себе думать. И лицо, и тело покрыты тёмным загаром; из-за выцветших белых волосков он казался золотым сиянием. Ане шёл загар, будто это был её настоящий цвет кожи, задуманный природой, и только по глупости она скрывала его белой пудрой. Минуту Аня стояла перед зеркалом, без стеснения любуясь своим

отражением. “Он меня такой видит всегда...” Потом она встала под горячую струю и намочила волосы.

В Севастополе Митя был впервые и успел увидеть всего два квартала. Они добрались быстрее, чем думали: вместо десяти дней провели в дороге меньше недели. Но за это время отступили образы других людей, важных, но в этих отношениях — лишних; улеглось раздражение, и...

Аня вышла из ванной с непривычно длинными расчёсанными волосами, белое полотенце было на ней, как вечернее платье. Поймав Митин взгляд, она выключила свет и тихонько засмеялась.

Через два дня Аня полетела в Петербург за вещами, а Митя остался в Севастополе искать для них новый дом.